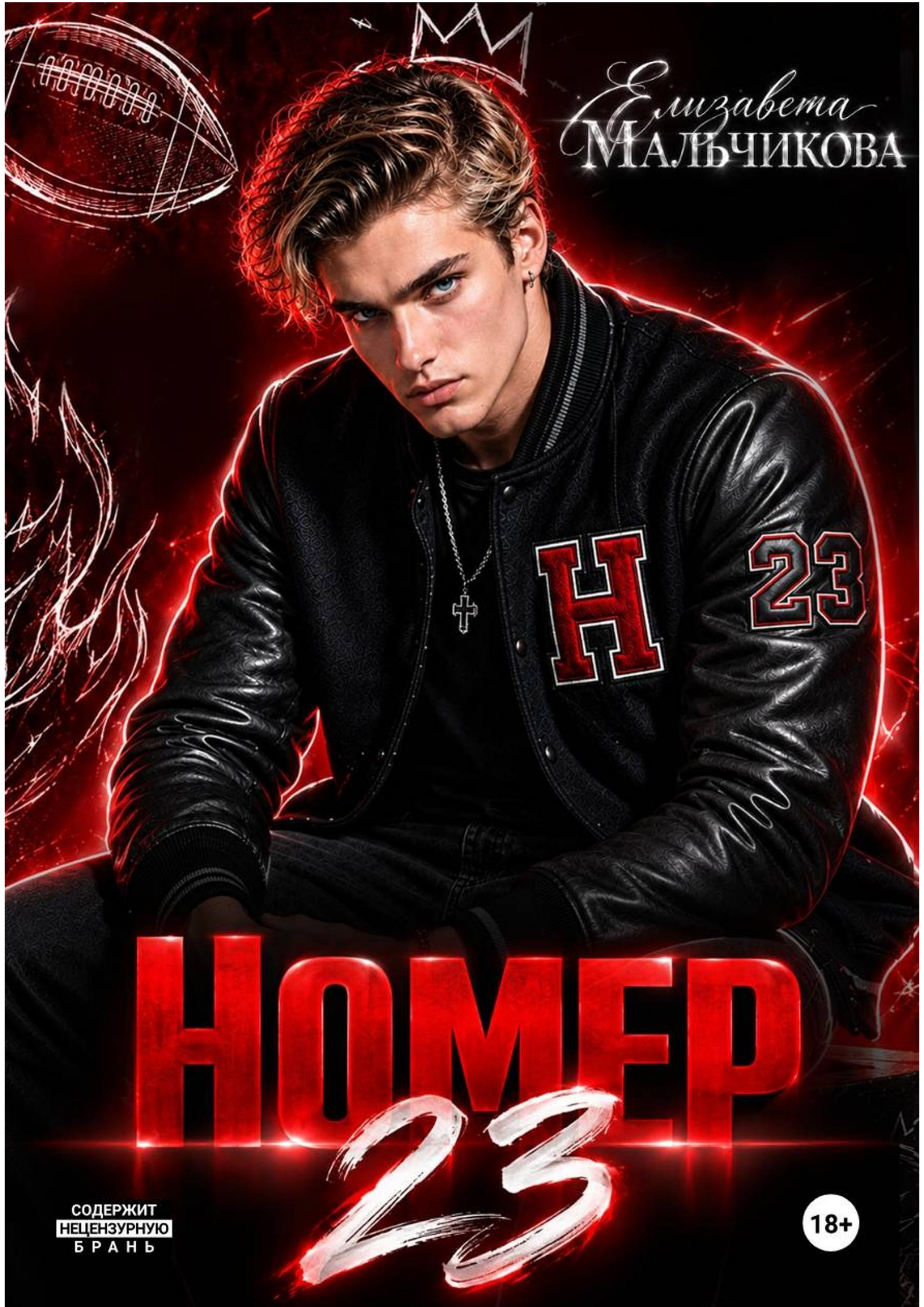

Елизавета
МАЛЬЧИКОВА

НОМЕР 23

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елизавета Мальчикова

Номер 23

«Автор»

2026

Мальчикова Е.

Номер 23 / Е. Мальчикова — «Автор», 2026

Тридцатипятилетняя вдова Анастасия думала, что самое страшное в её жизни уже произошло - гибель любимого супруга. Переезд должен был стать новой страницей в её жизни. Случайная встреча с Марком переворачивает всё с ног на голову. Пятнадцать лет разницы, внезапная страсть и иллюзия второго шанса на счастье. Правда бьет наотмашь: идеальный любовник учится на одном курсе с её сыном. Попытка разрыва запускает обратный отсчет. Для Марка их отношения - не мимолетная интрижка, а смысл существования. Его любовь становится одержимостью. Он знает маршруты её прогулок, время закрытия магазина в котором она работает, номер дома. Он всегда рядом, даже когда она остается одна в пустой комнате. Теперь Насте предстоит сделать невозможный выбор: принять обезумевшего любовника таким какой он есть, или исчезнуть из его жизни навсегда.

© Мальчикова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Новая жизнь	5
Врунишка	8
Кто же ты?	10
Марк	12
Кружева	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елизавета Мальчикова

Номер 23

Новая жизнь

Номер двадцать три.

Часть первая.

Второй шанс – двадцать третий номер.

Машина катится плавно и мягко по мокрому асфальту. Минуту назад лило как из ведра, теперь же ярко светит солнце, копытами озаряя салон автомобиля. Я приоткрываю окно, и вдыхаю запах мокрой пыли. Поворачиваюсь, и вглядываюсь в усталое лицо мужа: сосредоточенный взгляд зелёных глаз, внимательно следит за дорогой; тёмные волосы чуть растрёпаны от короткого сна в машине; двухдневная щетина Глеба только красит. Рука сама тянется прикоснуться к сильному подбородку – короткий, но тёплый чмок останется в памяти навсегда.

— Останови, поменяемся. — Говорю я, и моя рука ложится на бедро мужа.

— Озеро уже скоро, не переживай, я в норме. — Глеб пытается скрыть зевок, прикрывая рот рукой, — Ёжик звонил?

Я отрицательно качаю головой: — дети большие не звонят, они эсемесят.

Брови мужа чуть подрагивают, и он выдаёт протяжное: — ааа.

Достаю свой телефон, чтобы зачитать последнюю смску от сына, но он предательски выскальзывается из рук и с глухим стуком падает куда – то на пол.

— Ёлки – палки, — муж быстро шарит под сиденьем, — вроде нет.

Наклонившись, обвожу взглядом пространство: давно забытая резинка для волос; один нокий сухарик; обрывок бумаги, но телефона конечно нет.

— Нашла?

— Не – а. — Я выпрямляюсь, и, собрав волосы, пытаюсь дать своим детективным способностям второй шанс, но рука Глеба ныряет снова под сиденье.

— Посмотрю, — один роковой наклон, слишком долгая минута.

— Ладно, Глеб. Потом найду.

Но муж упрямый – торс наклоняется сильнее: — я его вижу, Настён. Подожди – ка.

Удар пришёлся толчком со стороны мужа, выбивая воздух из груди, и на одно злосчастное мгновение остановил время.

Впереди мелькнули фары, я что – то выкрикнула, но никак не могу вспомнить что именно, а потом тишина – скрипы, скрежет, крики. Всё закрутилось в безумной свистопляске.

Я пытаюсь шевельнуться, но всепоглощающая боль резко вспыхнула в плече.

Открыв глаза, соскакиваю с кровати. Со лба течёт пот. На часах девять часов сорок пять минут утра.

Тяжёло дыша, натягиваю чёрные джинсы.

— Ёжик, мы опаздываем.

На ходу натягиваю носки, с угрызением совести смотрю на не заправленную кровать: — Ёжик, слышишь? — Подгоняю сына, но слова были адресованы самой себе.

Быстрыми шагами иду в комнату сына, выкручивая волосы в пучок. Спотыкаюсь о коробку, которую клятвенно божилась разобрать ещё вчера, наконец, останавливаюсь у двери, однако она распахнута настежь, а комната и вовсе пуста.

В спальне сына идеальный порядок, поёжившись, я спускаюсь в кухню – гостиную. На круглом столе замечаю обрывок бумаги: *завтракал, взял папину машину, тебе к двенадцати – не забудь! Целую.*

— Сонная тетеря, — ругая себя, завариваю свежий кофе.

В нос ударил тёплый, смолистый запах, вперемешку с ароматом сухой пыли. Быстро обогнув парковку, я открываю багажник своего старенького «Шевроле». Запихиваю туда пакеты, поправляю выбившийся локон, но внезапно вздрагиваю.

— Помочь?

Оборачиваюсь и вижу перед собой молодого парня, наверное, ровесника сына: светлые, волнистые волосы, которые слегка зачёсаны на одну сторону; выразительные голубые глаза насмешливо прожигают пристальным взглядом; скулы мужские, уверенные; на лице играет озорная, юношеская ухмылка.

— Спасибо, я сама. — Выдавливаю я, чувствую, как к щекам прильнула краска.

— Ты уверена? — Наглый взгляд упёрся прямо в моё лицо, и только сейчас я замечаю бумажный пакет с фруктами у него в руках.

Боже правый, вот идиотка!

Я чувствую, как краска заливает уши и шею: — вообще – то «вы», — выпаливаю я, пытаюсь сохранить остатки своего достоинства, которое наглые голубые глаза испепеляют в прах. Цепочка с крестиком на линии его шеи блеснула на солнечных лучах, уголка губ коснулась ухмылка.

— «Вы» уверена?

Сделав шаг к нему навстречу, пальцы касаются его тёплой кожи, невольно я разглядываю сильные мужские руки, закусывая нижнюю губу: — Угу, — как под гипнозом бормочу я.

Неожиданно парень обходит меня, будто я крошечная преграда, кладёт пакет в багажник, закрывает его, и удаляется, а я всё ещё стою на одном месте, не в силах пошевелиться.

Дура! Дура! Дура!

Круто развернувшись, я в два шага оказываюсь у водительской двери, быстро сажусь в машину, и пытаюсь вставить ключ в зажигание. Из открытого окна до меня доносится:

— Милая маечка.

По всей парковки разносится рёв его «Хаммера», а я гневно оглядываю свою футболку с кроликами для сна, наконец, «Шевроле» заводится, издав спасительный писк, и машина трогается с места.

Смотрю в зеркало заднего вида – почему мне так стыдно? — Спрашиваю вслух.

— *Потому что к тебе только что подкатывал юнец, с очень красивыми голубыми глазками.* — *С нотками самодовольства отвечает моя внутренняя богема, пафосно дёргая плечиками.*

На ней яркое красное платье, сияющее в невидимом свете софитов, а на мне грязная майка в которой я сплю: — просто вежливый.

— *Конечно... Вежливый? Наглый! Мы таких любим!*

— Я качаю головой: с ума сошла? Он же ровесник Ёжика!

Эта похотливая засранка обнимает себя за плечи, её пальцы чувственно соскальзывают с линий красивых предплечий, и она закусывает нижнюю губу. — Да, да! А значит молодой и горячий!

Я замолкаю, выхожу из машины, и прячусь от её несуразных домыслов в потоке горячего душа.

Рабочий день в бутике проходит незаметно, однако, надменная менеджер не сводит с меня глаз. С непривычки ноги на бесконечно - высоких шпильках гудели, я стою у напольного зеркала в полный рост, поправляя чёлку – шторку перед уходом. С вешалки достаю свой чёрный плащ, но входная дверь распахивается.

С досадой читаю смс от сына: «я дома. Перехватил быстрый ужин с друзьями».

— Хватит пялиться в телефон у тебя клиент.

Мегера.

— Иду. — Отправляю телефон в карман, натягиваю улыбку и выхожу в зал, но моя улыбка быстро исчезает, потому что я вижу золотого мальчика с парковки.

Он стоит один посреди светлого зала: руки в карманах; чёрный бомбер расстегнут; широкие плечи расслаблены.

— Чем могу помочь? — Говорю я нарочито громко, а потом уже тише, так чтобы услышал только парень, — я больше ничего не забыла можешь идти.

— Да, как вы разговариваете с клиентами? — Громко объявил наглец.

— О, теперь мы на «вы», — бросаю короткий взгляд на камеру, и быстро выпаливаю: — я как раз сегодня разложила новую коллекцию поло от эрмес, посмотрим?

Чуть подталкивая парня к слепой зоне тихо шиплю: — чего тебе?

Наглец наклоняется и замедляется на несколько мучительных секунд у самого моего уха. Я чувствую его дыхание на своей коже, и он меня...нюхает?

— Оставь свой номер телефона, — шепчет он сладко – басовитым голосом.

Позади эхом раздаются глухие стуки каблуков менеджера, я делаю шаг назад: — купишь всю коллекцию, тогда оставлю.

Моя внутренняя богема ликует: — так его! Пусть раскошелится, засранец!

Дыхание парня становится прерывистым, проходит ещё одна мучительная секунда, стук каблуков становится ближе, он чмокает меня в мочку уха, слегка задержавшись на ней губами, по телу разливается жар.

Прикрыв глаза, я вытягиваюсь перед незнакомцем, как струна, однако он быстро выпрямляется, будто ничего и не произошло, спокойно говорит: — заберу свой размер в каждом цвете, — вальяжно проходя мимо менеджера, добавляет: — подберите ремень и очки, Анастасия.

Поправляя бейджик, быстро складываю в пакет поло с логотипом кареты, запряжённой лошадьми.

У кассы незаметно кидаю в пакет клочок бумаги с выдуманным номером телефона.

Врунишка

Ветер легонько касается моей щеки, поёжившись, открываю глаза – окно открыто настежь. Встаю сонно, лениво сделав два шага, протягиваю руку к пластиковой ручке. Внезапно пальцев касается чьё – то легкое прикосновение.

Отпрянув, сон уходит в два счёта, и я вижу у окна знакомый мужской силуэт: свет падает на одну часть его лица, от этого по телу пробегает дрожь.

— Врунишка, — шепчет он, и походкой хищника направляется ко мне.

Сделав два неловких шага назад, ноги упираются в кровать. Руками шарю по воздуху в поисках чего –нибудь тяжёлого: — мой сын...

— Твой сын преспокойно спит в своей кроватке, — высокая фигура из темноты надвигается прямо на меня.

— Я буду кричать! — Слова быстро срываются с языка, рука нащупывает тонкую ножку ночника. Занову руку с ночником в ударе, но реакция парня быстра - перехватывая мою руку, он басит: — конечно, будешь.

Он заставляет мою руку опуститься, и пальцы разжимаются сами. Парень оказывается вплотную со мной, я чувствую, как мягкая ткань его поло касается моих сосков, через тонкое кружево пеньюара.

Открыв рот, чтобы закричать, горло сковывает ком, заставляя крик беззвучно раствориться. Тёплая ладонь парня ложится мне на ключицу, пальцы ныряют под бретельку, заставляя ту соскользнуть. Его левая рука подражает правой, и тонкий материал падает на пол.

Стоя перед незнакомцем абсолютно нагая, тело сковывает, не в силах пошевелить и пальцем.

Голубые глаза цепляются за мои губы не моргая, за окном раздалось последнее пение осенней птицы, но парень просто игнорирует этот звук. От этого прожигающего взгляда мне становится страшно, но я не смею выдавить из себя и слова.

В следующую секунду на меня обрушился его кипучий поцелуй – он не целовал, он ставил метки.

Обе его руки легли мне на щёки, не давая отстраниться. Хватка жёсткая, твёрдая, от которой по позвоночнику пробежал холодок.

Поцелуй без предупреждения оборвался.

Обезумевшие, голубые глаза смотрят в мои, дыхание тяжёлое, прерывистое: — за любым враньём следует наказание, — шепчет он.

Я пытаюсь мотнуть головой, но хваткая сильная, из глаз скатилась одна – единственная слезинка.

Пальцы скользят ниже. Медленно, задерживаясь на каждом изгибе тела. Снова пытаюсь шевельнуть головой – расплата шлепок по внутренней части бедра.

От неожиданности я вскрикиваю, но тут же замолкаю.

— Смотри на меня.

Я коротко киваю.

Умелые пальцы касаются пульсирующей точки, выводя круги вокруг неё.

Губы приоткрываются сами.

По киске скользнул лёгкий удар, но тело всё равно дёрнулось, а щёки накрыло красной волной.

Снова круги от которых ноет низ живота, палец скользит внутрь. Губы раскрываются сами, и одним быстрым движением он извлекает свой влажный палец и суёт мне в рот, заставляя посасывать: всё вокруг сжимается до этих безумных голубых глаз; логотипа на поло – карета, запряжённая лошадьми; и свои соки на языке.

— Хорошая девочка. — Парень сглатывает, и в тишине его слова кажутся мне оглушительными.

Кровь пульсирует в ушах, он извлекает свой палец из моего рта, и его губы чуть приоткрываются, когда его ладонь находит трепещущий клитор.

Пытаясь найти хоть какую – то опору, впиваюсь ногтями в его плечо. Круги на моём клиторе становятся методичными и безжалостными, тело предательски дрогнет. Бёдра начинают двигаться ему навстречу, желая большего. Напряжение скручивает меня, и я рассыпаюсь мелко. Парень впивается в мои губы, а я вскрикиваю прямо ему в рот, и он ловит моё разгорячённое тело.

Слёзы, стыд, возбуждение от удара по киске - всё смешалось во мне. Единственное, что я чувствую перед глубоким провалом в тревожный сон – это короткий поцелуй на мочке.

Кто же ты?

Распахнув глаза, я резко вскакиваю на кровати, взгляд падает на окно – закрыто.

Он его закрыл? Может, его здесь и не было, а ночные события – это просто сон.

— Конечно, сон! — Усмехается моя внутренняя богема, её ступня, в невозможно высоких шпильках, вальяжно качается в разные стороны.

Из груди вырывается протяжный стон стыда, плечи опускаются, спина округляется: — Перестань.

— А мне то что? Главное, чтобы Ёжик не услышал твои вскрики. — Она ехидно улыбается, рассматривая свой идеально – красный маникюр.

— Дерьмо! — Накинув махровый халат, я поспешно спускаюсь вниз, нарочно не заглядывая в комнату сына, однако, Ёжик уже во всю поглащает яичницу.

— Мам? — Взгляд удивленный, но не осуждающий, — ты рано встала.

Быстро чмокнув сына в щёку, ставлю сковородку на огонь, стараясь спрятать глаза: — вливаюсь в будничный режим. Как ты? Чем вчера занимался? — Пальцы не находят ничего кроме пояса собственно халата, судорожно вытягивая нитки.

Скажи, что был у друзей всю ночь... у подружки. Только не дома.

— Тяжёлая тренировка... Пришёл домой и сразу рухнул спать.

Я облегчённо выдыхаю, разбиваю пару яиц на сковородку. — Показательная или ты уже в команде?

— Показательная.

Выключаю газ, и вытягиваю лопаткой яичницу. Сажусь напротив Ёжика, и наконец, могу взглянуть на него: лицо стало серьёзнее, но взгляд мягкий, как у отца; тёмные волосы подстрижены коротко.

— Ёлки – палки, ты совсем растерянная какая - то. — Голос мягко – басовитый, даже интонация Глеба. Его широкая ладонь опускается мне на плечо. — Мам?

Улыбка вышла натянутой, отвожу взгляд от зелёных глаз сына: — всё хорошо, — и тут мой голос сорвался, а плечи предательски затряслись.

— Ну, мам. — Ёжик встаёт и притягивает меня к себе – сын уже выше меня на две головы.

Уткнувшись щекой в его грудь, горячие слёзы катятся на футболку сына. Ёжик опускает свою голову мне на макушку, тихонько раскачиваясь, будто он родитель, а я его несмышленный отпрыск.

— Прости, — выдавливаю я, всхлипывая.

— Всё хорошо, только футболку мне не заляпай.

Сдавленный плач перерастает в искренний смешок. Отстранившись, вытираю слёзы, однако на футболке сына всё равно остался мокрый след.

— Пойду переоденусь, — говорит он, оглядывая себя и исчезает на втором этаже.

Весь рабочий день я вздрагиваю от позвякивания колокольчика над входной дверью бутика, а после облегчённо выдыхаю со свистом, когда вижу обычного покупателя, а не золотого мальчика. Каждый раз, вспоминая взгляд безумных голубых глаз на своих губах, к щекам приливает красная краска. Одна моя часть отчаянно хотела забыть эту ночь, другая – предательница перебирала в памяти поцелуй без предупреждения; пальцы, скользнувшие ниже; лёгкий, как прикосновения пёрышка удар по киске, но всё же удар.

Этого больше не повторится.

— Настя. — Неожиданно из раздумий меня выхватывает строгий голос менеджера. — Не смотря на то, что ты какая – то не собранная, Ларе ты понравилась. Ты нанята. — Она надменно скидывает бровь и хмыкает.

— Спасибо. — Киваю, и сдержанно улыбаюсь.

Гарпия.

На город медленно опускаются сумерки. Осенний ветер выхватывает красно – жёлтые листья, закручивая их в танце крутящейся пыли. Запахнув посильнее плащ, быстро перебегаю дорогу и иду к своей машине. Прежде чем сесть озираюсь по сторонам в поисках... его?

Качаю головой, и усмехаюсь – дура!

Завожу мотор, в салоне тихо играет «Бог это – оружие», мимо пролетает огромная чёрная машина, выжимаю сцепление, удерживая «Шевроле» на месте. В зеркале мелькали фары – один поток, второй, третий. Наконец, просвет стал чуть шире, но перед тем как машине тронуться с места, дверь рядом со мной распахивается и на сиденье падает высокая фигура в чёрном бомбере. Кузов послушно рванул в разворот, дверь захлопывается, а мой разум накрывает истерика.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Хотел с тобой встретиться, конечно. — Его мягкий баритон спокойный и плавный, а меня охватывает неумолимая ярость.

— Ты долбанный маньяк! Нормальные люди так не поступают! — Неконтролируемый выкрик срывается с моих губ, руки не слушаются, и машина виляет на обочину.

Реакция парня молниеносна: пальцы впились в обод, заставляя руль рвануть влево.

— Сбрось газ. — Тон спокойный, властный, и я мгновенно подчиняюсь.

Сердце колотится где – то в горле, сильные руки отпускают руль, отдавая мне контроль.

«Шевроле» останавливается на пяточке, руки судорожно отпускают руль. Плечо вспыхивает фантомной болью, в ушах опять гудят чьи – то крики - я снова на обочине, а перед глазами остывающее тело мужа.

Отдалённо слышу звук открывающейся двери, сильные руки тянут меня за плечи.

— Всё хорошо, маленькая, я рядом.

Наши глаза встречаются – голубые смотрят с нежностью в карие.

Образ золотого мальчика рассыпается на глазах, теперь моей щеки касается тёплое и такое успокаивающее прикосновение. Он заключает меня в объятия – безопасные, надёжные.

На макушку опустил целомудренный поцелуй, и только ветер рвал края моего плаща.

В кармане вибрирует телефон, открывая сообщение от Ёжика: «Взяли! Ложись спать».

— Мне пора, — выдавливаю я.

Парень медленно отстраняется, обогнув машину, распахивает для меня дверь рядом с водителем: — я поведу.

Покорившись, опускаюсь на сиденье, дальше машина катится в полной тишине.

Когда «Шевроле» останавливается у моего дома, парень чмокает меня коротко в губы. Голубые глаза смотрят в упор: — всё, что я делал – того ты желала сама. Всегда можно остановиться и сказать «стоп».

Высокая фигура выходит из машины, а я в растерянности наблюдаю за ней в зеркало заднего вида.

Кто же ты?

Марк

Ночью я ворочаюсь с боку на бок, толком не сомкнув глаз. Первые утренние лучи солнца падают на край кровати, и тогда, не в силах больше вертеться, я встаю и бреду по коридору. Натыкаюсь на злосчастную коробку – надо разобрать. Она не тяжёлая, и я легко ставлю её в середине своей спальни, опустившись прямо на пол.

Рука сама натывается на фотографии: простенькая свадьба только для родных; Ёжик в синей пижаме с мишками катится в ходунках по нашей квартире; вечно не бритое лицо Глеба крупным планом – зелёные глаза смотрят прямо в камеру, в лучах солнца его волосы отливают оттенком шоколада.

Все три фотографии я убираю в ящик прикроватной тумбочки, затем снова шарю в коробке.

Старые пластинки и диски я оставляю, а вот белую футболку с V – образным вырезом аккуратно извлекаю наружу.

«Глеб Фомин» – нитки на нашивке залоснились от времени, но надпись видно хорошо, а запах остался прежним.

Поднявшись, спускаюсь вниз – коробка отправляется в мусорный пакет, а футболку любовно кладу на стол.

В глубокую миску вливаю молоко, тонкой струйкой и перемешиваю с яйцами, методично всыпая муку. В нос ударил запах ванили, а просторную кухню – гостиную копьями озаряло октябрьское солнце.

Ставлю сковороду на огонь, жду, когда нагреется.

— Это же папина футболка! — Позади раздался восторженный голос сына.

Я оглядываюсь и киваю. Тёплая улыбка сама появляется у меня на губах: — поздравляю, — голос чуть подрагивает, но я сдерживаю слёзы.

— Круто! Спасибо, мам, — Ёжик быстро одевает её – вылитый Глеб в молодости.

Отправляю на раскалённую сковородку тесто, равномерно распределяя его: — как тебе тренер? — пока жарится блин, разливаю кофе по чашкам. Одну ставлю рядом с Ёжиком.

Он сразу делает большой глоток: — мужик здоровый, но суровый. Двадцать восьмого будет игра, ты ведь придёшь?

— Конечно, я приду, Ёжик. — Перевернув блин, серьёзно оглядываю сына, — как я могу пропустить такое важное событие.

— Просто ты... — Он запинается, не в силах закончить фразу.

Блин отправляется на тарелку, ставлю её на круглый стол: — я в норме.

Сын кивает: — можно мне пойти сегодня на ночёвку? Девочки и алкоголь будут.

Я широко улыбаюсь и киваю.

Рабочий день проходит моментально. Выхожу на свежий воздух, глаза выхватывают чёрный «Хаммер». Делаю шаг в его сторону, но нога замирает над асфальтом.

— Что молчишь? Где твои едкие выпады? Скажи, что делать! — Мысленно обращаюсь я к своей внутренней подруге, но та упорно молчит.

Наконец, решившись, подхожу к его машине и останавливаюсь в дверях.

— Садись, маленькая. Хочу кое – что тебе показать. — Как всегда спокойный тон, голубые глаза одаривают мягким взглядом.

Чёрт с тобой!

Тело опускается на кожаное сиденье, в нос ударил запах цитруса и табака.

Парень не касается меня. Его руки на руле лежат твёрдо, пальцы слегка сжимают чёрную кожу, ровно на столько, чтобы чувствовать каждый толчок.

Да, он просто издевается надо мной!

Отворачиваюсь, чтобы скрыть нарастающий румянец: за окном сотни людей бредут по своим делам, в промежутках встречаются уже совсем голые листья, они, как и я – уязвимы, перед взором голубых глаз.

Машина останавливается у огромной высоты.

Он огибает «Хаммер», и, открывая дверь, галантно подаёт мне руку. Я касаюсь тёплой ладони: — куда мы идём?

— Увидишь.

Нажав на кнопку лифта, сильная ладонь ложится мне на плечи. Сбросив его руку, первая захожу в душное пространство.

Внутри народ стоит плотничком, высокая фигура властно чистит себе дорогу, распикивая людей, будто они манекены.

— Пятьдесят восемь, — отдаёт он приказ.

Блондинка стоявшая впереди, нажимает на нужную кнопку.

Парень оказывается позади меня: подушечками пальцев коснулся затылка; медленно, сосредоточено пальцы спустились ниже, задерживаясь на пояснице; ладонь зажимает мою ягодицу.

подавив вскрик, я пытаюсь отстраниться, но сильные руки толчком вжимают в таз парня.

Толчок, ещё один – через ткань плаща я чувствую его нарастающее желание. Спина выгибается сама, дыхание становится прерывистым.

Лифт останавливается, двери открываются: зашедшие сменили вышедших.

Его рука убирает мои волосы на одну сторону, я вскидываю голову, не давая прошептать свои заклинания мне на ухо, однако, парень лишь усмехается, одаривая мои губы коротким чмоком. Пространство кажется мне катастрофически маленьким.

Лифт останавливается.

— Наш, — шепчет он, берёт меня за руку, и мы направляемся вверх по лестницам.

Легко открывает дощатую дверь, и мы оказываемся на плоской поверхности, покрытой рулонной кровлей.

Мотаю головой: — я боюсь высоты.

Парень сжимает крепче мою ладонь: — я всегда буду рядом с тобой.

Он уверенно идёт вперёд, я сглатываю и маленькими шагами следую за ним.

Шаг, ещё шаг, парень останавливается у самого края, а я лишь вскользь оглядываю парапет.

— Всё хорошо. — Ласковый голос зазывает меня, рука легонько притягивает ближе к краю, и я повинуюсь.

Оказавшись слишком близко к опасной пропасти, парень обнимает меня сзади, я хватаюсь за рукава его бомбера, как за спасательный жилет.

В нос ударил свежий запах приближающегося дождя. Здесь, наверху, все тревоги кажутся не важными, а глупые мысли такими далёкими.

Я осторожно разворачиваюсь, и он впивается в мои губы. Поцелуи осыпают моё лицо, шею, плечи, не оставляя ни одного уголка без этих трепетных прикосновений.

Руки сами шарят у него под бомбером, лаская широкую спину, но раздаётся внезапное: — Эй, вы чего там миловаться удумали?

Оторвавшись друг от друга мы замечаем возрастного мужчину в форме смотрителя, парень срывается с места, уводя меня за собой.

— Ух, я вам!

Мы покидаем крышу стремительно, из горла вырывается громкий и искренний смех, я несусь за ним от погони, как школьница.

В лифте пытаюсь пригладить свои волосы, и спрятать лицо, которое вспыхнуло пунцовым огнём, толи от бега, толи от его поцелуев.

Раздаётся короткий, чёткий сигнал снятия машины с сигнализации, я оказываюсь на кожаном сиденье и сама набрасываюсь на парня.

Плащ летит в сторону, сильные руки задирают мне юбку, опускаясь на ягодицы, властно сжимая их. Одна его рука поднимается выше – ладонь скользит по пояснице, вдоль линии позвоночника и задерживается на шее, чуть сжимая затылок.

Пальцы другой руки скользят под тонкое кружево белья, дотрагиваясь до ложбинки между ягодицами, опускаются ниже – я чувствую его внутри и ахаю.

Голова сама откидывается назад, бедра раскачиваются взад – вперёд, желая большего, но он медлит, и нарочно вынимает палец. Через мгновение снова вставляет, моя киска хлюпает, принимая его.

Я нащупываю пряжку его ремня, она щёлкает, однако, на задницу обрушивается шлепок.

— Скажи это, — взгляд дикого зверя превращает голубые глаза в бескрайний тёмный океан.

Тонкая ткань кружева намокает сильнее, пульсирующая точка внутри готова разорвать меня на части: — я хочу тебя, — голос тихий, будто не мой.

Снова шлепок: — громче.

Руками упираюсь в его плечи, опуская голову: — я... хочу тебя.

Его торс одним выпадом оказывается вплотную с моей грудью, голос басит хрипло: — Марк.

— Я хочу тебя, Марк, — когда последняя буква его имени срывается с моих уст, я чувствую, как твёрдая плоть врывается в меня.

Поднимаю голову, и наши взгляды встречаются, длинные пальцы зарываются мне в волосы, повторяя все движения головы.

Толчок, ещё толчок – кончаю бурно, хватаю ртом воздух, тая, как сливочное масло на коленях у Марка.

Кружева

Приведя себя в относительный порядок, выхожу из «Хаммера». Глубокая осенняя ночь обдаёт холодным ветром, разнося по асфальту пылинки, да накапывающий морозец. Мелкая изморось ложилась не приятными мурашками. Где – то далеко заорала сигнализация, а после на улицу опустилась мертвенная тишина, нарушаемая шелестом листьев, да редким собачьим лаем. Из окон моего дома видны лишь пустые стены и темнота.

Марк легко подхватывает меня на руки, закрывая дверцу авто ногой.

— Марк! Отпусти, вдруг, кто – то из соседей увидит. — Я беспокоюсь озираясь по соседским домам, но он игнорирует мою просьбу, а на губах заиграла самодовольная улыбка.

— Ты ведь взрослая девочка, и вправе решать у кого лежать на руках, а у кого нет.

Всё, что мне остаётся – это покорно вздохнуть.

— Ключи, — раздаётся команда.

С еле слышным позвякиванием достаю ключи, замок щёлкает, Марк закрывает дверь слегка, навалившись.

В темноте он ориентируется прекрасно, передвигаясь бесшумно, как дикий кот, лишь иногда его лицо озаряет свет уличного фонаря.

В кровать он меня укладывает, как маленького ребёнка, заботливо снимая плащ, рабочую юбку и блузу, а когда приходит время чулок – губы Марка едва заметно касаются ажурной резинки. Тело моментально вспыхивает, но он лишь хищнически улыбается, а потом продолжает свою сладкую пытку: подушечки пальцев тянут за край чулок, медленно опуская миллиметр за миллиметром; капрон опускается ниже – на колено ложится короткий, но чувственный поцелуй. Моя разгорячённая кожа становится под его натиском гиперчувствительной, пальцы сжимают простынь.

Марк замедляется у лодыжки – туфля отправляется на пол, а капрон медленно скользнул по своду стопы, повторяя движения умелых пальцев.

Я лежу не шелохнувшись, боясь спугнуть дикого зверя. Голубые глаза смотрят в упор, взгляд будто сканирует меня. Лёгкое давление на те самые точки стопы, отдаются сладостно – мучительным приливом.

Стопа горит, горю и я.

Мимолётная передышка – Марк снимает второй чулок. Он не спрашивал разрешения, но и не причинял боли.

Тяжёло выдохнув, тело напрягается до предела, не в силах больше наблюдать за этой пыткой, веки закрываются сами. Наказание – эфирный удар по стопе.

— Открой глаза.

Приказ не обсуждается, тело вздрагивает, и неожиданно выбивает мелкую дрожь, я распахиваю глаза, а узел в низу живота, наконец, рассыпается на мириады мелких частиц.

Высокая фигура поднимается, и удаляется к двери.

— Марк, побудь со мной. — Я хочу заснуть с ним в обнимку, хочу чувствовать его тепло этой промозглой ночью, но как приручить необузданного зверя?

Шаги эхом отдаляются, однако, в памяти всплывают его же слова: *Всегда можно остановиться и сказать «стоп».*

— Стоп!

Шаги затихают, но лишь на мгновение – Марк оказывается в комнате.

— Ляг со мной рядом. — В моём голосе чувствуются приказные нотки, но я быстро замолкаю.

Однако Марк снимает обувь, и опускается на кровать.

Повернувшись, я наблюдаю, как свет падает на одну сторону его лица – всё его существо будто разделено на два совершенно разных «я».

Сегодня мне приоткрылась новая и хрупкая его ипостась.

Когда Настя мерно сопит, я аккуратно убираю с красивого женского лица не послушную чёлку, а после тихо выскальзываю из её объятий. Мне хочется побыть ещё не много с ней, но чем больше проводишь времени с человеком, тем сильнее привязываешься, а это значит – смерть.

Плечи расправляются, спина вытягивается струной, кулаки сильнее сжимаются на руле – слабость показывать нельзя. Если ты слабый, то уязвимый.

Вдыхаю, задерживая воздух на секунду, словно это могло что-то контролировать.

Машина останавливается у огромного дома с бассейном, высокими металлическими воротами и множеством незнакомых лиц.

Открываю дверь, в нос ударил запах табака.

Вдоমেиграет «Im Gonna Show You Crazy».

Замечаю знакомое лицо, но на пути встаёт Марика в полупрозрачном леопардовом лонг-сливе, широких чёрных джинсах, которые едва не соскальзывают с её осиной талии. Она прижимается ко мне всем телом, кладя свою ладонь в задний карман моих джинсов.

— Я звонила.

— Не видел. — Хочу высвободиться из её объятий, но она упрямая – приподнимается на носочки, шепча в самое ухо: — пока шли гудки, знаешь, что делали мои пальцы, представляя тебя? — её горячий язык одаривает щёку жгучим прикосновением.

Хватаю её за руку, и тяну на второй этаж. Минуту несколько комнат, мы находим свободную.

— На колени.

Марика безоговорочно опускается, на её лице играет дерзкая улыбка, а пальцы растягивают ремень и ширинку.

Достаю из кармана капроновый чулок.

Резким движением наматываю себе на кулак, ещё миг, и небрежно накидываю свободную часть капрона ей на волосы, собирая в хвост. Чувствует она тонкое кружево резинки или нет – мне плевать.

Оттягиваю голову вниз, она открывает рот, кротко принимая мою твёрдую плоть.

Пальцы переплетённые кружевом и волосами, вспоминают бархатную кожу лодыжек, мурашки, и обильную влагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.